По солнечной планете проходя,
я слышал – кто-то в сердце мне стучался,
к цветам и росным травам наклонялся,
и – думалось, что слышу я тебя,
Сэсэг моя, Сэсэг.

В тот страшный год
в цветах была земля,
и вдруг средь зеленеющего леса,
подкошенная лезвием железа,
ты рухнула в траву, Сэсэг моя.

Подмятая тяжёлыми ногами,
увяла навсегда, Сэсэг моя,
Сэсэг моя, Сэсэг.

Как часто среди ночи я ловлю
лицо твоё с оленьими глазами
и жду того, что мне не досказали
глаза, те самые, которые люблю.

Мне кажется: поймаю без труда
лицо твоё.
Всё ближе, всё добрее…
Но горько пробуждение тогда,
и одиночество становится острее.
Ещё, как будто, слышу разговор
и задержать тебя пытаюсь взглядом.
Но голос мчится за вершины гор,
и только остаётся рядом.
Сэсэг моя, Сэсэг.

Тот столб, к которому привязывал коня,
уж почернел совсем и стал негодным,
и пролетают незаметно годы…
Лишь ты всё та же в сердце у меня.
Сон о тебе слился с моей душой,
ты в ней – незатихающею болью.
И в край, откуда с болью я пришёл, вернусь
и унесу ту боль с собою.
Сэсэг моя, Сэсэг.

Какой опорой был бы мне твой смех,
твоя любовь,
Сэсэг, моя Сэсэг.

Ты помнишь это, Эрэлже-гора?
Цветы – краснее пламени костра,
И среди них беспечно хохотала
моя Сэсэг…
Босые ножки по цветам летели,
смеялись скалы, пропасти, ущелья …
Ты помнишь этот бесконечный свет?

Ты помнишь,
чуть кукушки там грустили,
тетерева мотивы выводили
и речка меж каменьев клокотала …
Но только всё счастливей хохотала
моя Сэсэг?

Ушла…
А тело юное твоё
не обнимал твой суженый ещё.
И пламень гордых губ твоих и щёк
единственный любимый не испил,
поток волос твоих, волнистых и густых
между ладоней нежных не струил.
Последних слов твоих не слышал, не узнал
твой самый главный в мире человек.
И не найдя тебя, уж потерял,
единственную потерял навек.
Лишь глубоко, под самым сердцем он
оставил по себе тоску, Сэсэг.
Сэсэг моя, Сэсэг.

Так ясно-ясно у меня в глазах –
крутой обрыв между высоких скал,
ты у берёзы – дикая коза,
и там весенний ветер развевал
голубенькое платье, как цветок,
как будто тайны тихие шептал
тебе одной,
Сэсэг моя, Сэсэг.

А над тобою – небо высоко,
и журавлиный – ещё выше клич,

как одинокий и тоскливый ключ
от музыкальной гаммы всей земли.
И так несётся долго, далеко,
что боли не выдерживает грудь…
А над тобой – такая глубина,
прохлада зыбкая, и сумерки, и снег,
и сторожит покой твой тишина.
Ты там теперь, Сэсэг моя, Сэсэг.

Но с каждым новым запахом весны
и перезвонами со стороны Хангая
меня опять твой образ настигает,
плывут тобой наполненные сны.

Я вижу: в глубине прозрачных рек
являешься мне как живая – ты.
И падает на красные цветы
как будто тень твоя,
Сэсэг моя, Сэсэг.

С тех пор, как нет тебя,
прекрасен так же мир.
Стоит всё там же Эрэлжэ-гора,
шумит всё так же Шэбэртэ-река,
цветёт багульник, как придёт пора,
и всё бегут по небу облака,
и плодоносит яблоня-Улир.

С тех пор, как нет тебя,
не изменился мир.

Луна не стала без тебя светлей,
зима не стала без тебя белей,

всё так же падает
и так же тает снег, как при тебе,
Сэсэг моя, Сэсэг.

Да, новое, казалось бы, милей,
но старое во мне – не исчезает.
Твоими я теперь смотрю глазами
на всё, что происходит на земле.
Тебя я старше с каждою весной,
а ты такой же юной остаёшься.
Во мне – то плачешь,
то опять смеёшься
и освещаешь путь нелёгкий мой.
Зов памяти моей несказанно высок.
Я окрылён тобой,
Сэсэг моя, Сэсэг.

Под тучами цепочка журавлей
печально твоё имя пронесла…
Подруги вспоминают на земле
о том, как вместе с ними ты росла.

Промчалась, как падучая звезда…
Укрыл тебя холодный, долгий снег…
Но только тёплой искрой навсегда
останешься в груди моей, Сэсэг.

Ты – юности дыхание само,
весны не распустившийся цветок,
и, словно не раскрытое письмо,
последнее письмо моё, Сэсэг…
Сэсэг моя, Сэсэг.